Шелкунова (Тихонова) Александра Сергеевна

Остатки концлагерной каши

Я родилась в 1937 году в Ленинградской области, д. Князево. Семья была из трех сестер. Старшая Элеонора на 9 лет старше меня, Римме было 1,5 года, она умерла в концлагере от голода. Когда война началась, мы были в деревне, она расположена на берегу Свири, очень красивая. Когда пришли в нашу деревню финны, нас всех стали выгонять из домов на улицу, собаки лаяли на жителей деревни. Помню, как куры по деревне бегали, а финны их ловили и в мешки бросали. Папы с нами не было, он воевал на фронте. Мама с нами, тремя девочками, попала в плен, финны маленьких детей посадили на телеги, а взрослые шли следом за ними пешком. Лесом нас вели и везли, волки выли в лесу, и так – 60 км пешком, а потом на баржу нас посадили. В Онежское озеро не доехали до станции железной дороги, началась бомбежка, баржа пошла ко дну, хорошо, что она у берега близко была. Потом нас опять пешком погнали, до железной дороги добрались, а там нас всех затолкали в телячьи вагоны и повезли в Петрозаводск.

В Петрозаводске уже лагеря и бараки были готовы за колючей проволокой, нас поселили в бараке в лагере № 6. Мама работала, всех узников по утрам уводили пешком в лес – работать, пилить деревья, вечером мама возвращалась с работы. И так каждый день. Мы с сестрой Леной ждали маму с работы, хотели есть, а есть было нечего. Жили в комнате по четыре-пять семей. Помню, как мои двоюродные братья Коля и Иван партизанили, они два раза убегали из лагеря и два раза их вылавливали, а потом их на ледяной горе били по ногам – очень было больно смотреть на все это. Нас выгоняли, как на смотрины, в мороз.

Я ходила к колючей проволоке просить еды. Помню, со слов мамы, как финны вечерами делали обход по комнатам и один финн заострил глаза на мне, а я лежала и плакала: «Хочу есть!» Финн долго смотрел на меня и что-то маме сказал, мама не поняла что, а врач перевела ей, что у него такая же девочка осталась на родине. Он сказал, чтобы я в определенное время приходила к проволоке. Там он меня встретил, увел в столовую, насыпал в баночку каши и обратно повел. И так я, раз в день, в назначенное время подходила с сестрой старшей к проволоке, он меня забирал и вел в столовую, давал с собой, что оставалось от обеда. Мама эту кашу делила всем по ложечке в комнате, где мы жили. Однажды я уронила банку с кашей – и разбилась эта банка, сколько было слез! Меня у окна уже ждали с этой кашей, а я пришла без нее… Плакала я, очень жаль кашу было, хоть и давали остатки от обеда.

Страшно все это вспоминать, особенно потерять сестру от голода.